

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.153-165>
EDN: QUQGMC

УДК 94(47)

ПОТОМКИ ИДЕГЕЯ В РОССИИ XVI–XVII ВВ.

А.В. Беляков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: В последнее время была проделана большая и плодотворная работа по выявлению и исследованию ногайского компонента в структуре высшей страты служилых людей Русского государства XVI–XVII вв. В частности был установлен список родов, которые имеют все основания причислять себя к Идегеевичам – потомкам золотоордынского беклербека Идегея (Эдиге). В представленной работе предпринята попытка уточнить особенности статуса знатных ногайских выходцев в Московском государстве и то, как на него влияли изменения во взаимоотношениях между Ногайской Ордой и православными монархами.

Материалы исследования: Архивы центральных московских приказов и предшествующая историография по данной теме.

Результаты и научная новизна исследования: Делается предположение о том, что начиная с середины XVI в. по версии Москвы государство мангытов находилось в подданстве у русских царей. Это произошло тогда, когда ногаи обратились к Ивану IV для инвеституры биев. В степи на это смотрели несколько иначе, и рассматривали данный шаг как заключение некоего временного соглашения и союза. Однако постепенная деградация государственности в Ногайской Орде и непреклонная позиция Москвы приводили к тому, что это образование и люди, населявшие его, с каждым десятилетием все более начинали попадать в зависимость от воли русских монархов. Как следствие, статус мангытской родовой знати эволюционировал от положения детей и внуков природных государей, поступивших на службу к монарху соседнего государства, до обычного подданства с обязательной службой, как все дворянство при Петре I.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Идегей, Идегеевичи, Русское государство XVI–XVII вв., инкорпорация турецкой элиты

Для цитирования: Беляков А.В. Потомки Идегея в России XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 153–165. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.153-165> EDN: QUQGMC

© Беляков А.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

EDIGE'S DESCENDANTS IN RUSSIA IN THE 16th–17th CENTURIES

A.V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

belafeb@yandex.ru

Abstract. Purpose of the study: Recently, much fruitful work has been done to identify and study the Nogai component in the structure of the highest stratum of service people of the Russian state in the 16th–17th centuries. In particular, a list of clans was established, these having every reason to consider themselves Edigeevichs – the descendants of the Golden Horde backlerbek, Edige. In the presented work, an attempt is made to clarify the features of the status of noble Nogai immigrants in the Moscow state and how it was influenced by changes in the relationship between the Nogai Horde and the Orthodox monarchs.

Research materials: Archives of central Moscow orders and previous historiography on this topic.

Results and scientific novelty of the study: It is assumed that starting from the middle of the 16th century, according to Moscow sources, the Mangyt state was subject to the Russian tsars. This happened when Nogai turned to Ivan IV for investiture of the beys. In the steppe they looked at this somewhat differently, and considered this step as the conclusion of some kind of temporary agreement and alliance. However, the gradual degradation of statehood in the Nogai Horde and the inflexible position of Moscow led to the fact that this formation and the people who inhabited it began to become increasingly dependent on the will of the Russian monarchs with each passing decade. As a result, the status of the Mangyt clan nobility evolved from the position of children and grandchildren of natural sovereigns (who entered the service of the monarch of a neighboring state) to ordinary citizenship with compulsory service, like all the nobility under Peter I.

Keywords: Nogai Horde, Edige, Edigeevichs, Russian state of the 16th–17th centuries, incorporation of the Turkic elite

For citation: Belyakov A.V. Edige's descendants in Russia in the 16th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 153–165. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.153-165> (In Russian)

В последние десятилетия проходила плодотворная исследовательская работа по изучению истории Ногайской Орды и русско-ногайских взаимоотношений. Отметим, что по многим позициям в этой проблематике наиболее заметный вклад был сделан В.В. Трепавловым. Именно с его фундаментального исследования можно говорить об «открытии» Ногайской Орды, как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся прошлым нашего государства [18]. Работая над данной темой, исследователь наметил целый ряд боковых сюжетов, которыми он подробно не занимался, но без которых трудно понять все нюансы русско-ногайских взаимоотношений. В частности он в общих контурах обрисовал картину того, каким образом потомки Идегея (Эдиге) стали родоначальниками целого ряда княжеских родов в России [20]. В последние годы этой тематикой наиболее активно занимался А.В. Беляков, чьи наработки по этой проблематике были обобщены в монографии, посвященной ногайской знати проживавшей в России [5]. Благодаря обширной работе, про-

деланной целым рядом исследователей, мы имеем представление о том, какое влияние знатные ногайские выходцы оказали на развитие Русского государства и какой вклад был сделан ими в деле формирования отечественного дворянства. Однако современная историческая наука устроена таким образом, что любая точка в крупном исследовании стремится мгновенно превратиться в многообразие. Новые источники и нестандартные подходы к давно разрабатываемым темам позволяют открыть неизвестные грани в тех или иных явлениях. Подобное случилось и с историей ногаев в России. Когда автору этой статьи было предложено написать небольшую работу об институте номинальных ханов в Ногайской Орде [6], он не предполагал, что это заставит пересмотреть и конкретизировать целый ряд вопросов о выездах Идегеевичей в Московское царство. Ниже мы рассмотрим некоторые сюжеты этой проблемы в свете вновь открывшихся обстоятельств.

Первые выезды потомков Идегея в русские земли начались вскоре после гибели основателя династии. Утемиш-хаджи в своем сочинении отмечает: «... Мансур, Кади и Невруз и Гийазетдин поехали в Московский вилайат. Зиму и весну провели там. Погибло много воинов, которые были с ними. После того как умер этот человек (Кейгубад), Мансуру пришла мысль, он сказал: Будет плохо, если я умру здесь, и мои кости будут лежать среди костей неверных... После этого, взяв несколько воинов и приготовив оружие и назначив главным Гийазетдина, выехали к истокам реки Яик» [22, с. 73]. Абдулгаффар Кырыми повторяет информацию своего предшественника и добавляет к этому, что многим из переехавших мирз не подошел местный климат [1, с. 78–79]. Это более чем смутные упоминания содержат крайне мало информации. Поэтому «Московский вилайат» на самом деле вполне возможно был литовскими землями, где практика расселения служилых тюркских отрядов в это время (начало XV в.) была уже хорошо отработана. В русских летописях об этом эпизоде сведения отсутствуют. Данный сюжет очень сильно похож на более позднее припоминание русских источников о присутствии в русских землях десятилетием ранее (1407–1408 гг.) двух ордынских царевичей, сыновей Токтамышша Джелал ад-Дина и Керим-Берды, прятавшихся здесь от беклербека Идегея, фактически захватившего на тот период власть в Золотой Орде¹. Для нас важно, что количество подобных примеров постепенно начинает увеличиваться, что с одной стороны косвенно подтверждает истинность каждого из них по отдельности, а также говорит о системности этого явления. Следует указать, что в данном случае русские земли (в широком понимании этого термина) начинают исполнять ту же роль, что и в более поздний период караимы Чуфут-Кале, дававшие приют и защиту любому из Гиреев, оставаясь при этом верно-подданными каждому из крымских ханов. Наиболее отчетливо это будет прослеживаться несколько позднее, на рубеже XV–XVI вв. для Гиреев, казанских, сибирских и большеордынских Чингизидов², и в середине XVI в. для Идегеевичей.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 201. Оп. 1. № 84. Л. 219–219 об.

² Хотя на самом деле данный принцип действовал в Московском княжестве / царстве в XVI–XVII вв. для всех Чингизидов и представителей родоплеменной верхушки с Востока. Но к тому времени произошло кардинальное изменение в отношениях русских земель с Ордой и постордынскими государствами – Москва приобрела полную независимость [8].

Следующие представители этого рода попали в русские земли в конце XV в., это были ногайские жены, плененных казанских ханов. Жены ногайских мирз были и у ряда сибирских, большеордынских и крымских Чингизидов, добровольно или насильно оказавшихся в Москве [8, с. 55–56, 59, 61–65]. Однако подобные выезды не способствовали созданию в Русском государстве устойчивой ногайской диаспоры. Это произошло только с началом добровольных (в ряде случаев условно) выездов ногайских мирз.

В начале XVI в. в Московское государство перебирается ряд потомков Мансура б. Эдиге (Идегей). Это дети Ибрагима б. Дин-Суфи б. Мансура (Бибеевы), Канбар б. Момола б. Дин-Суфи (Мамалаевы, Тевекелевы, Канбаровы), а также Иван сын Мевлеша (Мердеша) б. Тевшина б. Джанкувата б. Дин-Суфи. Отметим, что потомки братьев Ибрагима и Момолы, сыновей Дин-Суфи б. Мансура имели прочные связи с сибирскими и большеордынскими Чингизидами и, похоже, оказались в России во многом благодаря им. Отметим, что одна из дочерей Ибрагима б. Дин-Суфи, Ош-салтана, была замужем за большеордынским царевичем Шейх-Аулеаром б. Бахтияром, а другая, Борнуша, за шибанским (сибирским) царевичем Ак-Даулетом б. Ак-Куртом [5, с. 28–37]. Именно тогда сформировалось представление о честности ногайской знати, выехавшей на имя московского государя. В родословной книге их поместили последними в списке князей, но перед нетитулованными родами [14, с. 75–76]. На новой родине они получили статус служебных (служилых) князей, награждались обширными поместьями и командовали собственными военными отрядами (иногда отрядами своих родственников – Чингизидов). Изначально они приобрели статус несколько ниже татарских царей и царевичей и приблизительно равный таким выходцам из Литвы, как князья Бельские, Мстиславские, Глинские. Но через несколько поколений, уже после перехода в христианство, уступали этим фамилиям. Во многом это произошло из-за того, что в отличие от литовских выходцев они не становились ближайшими свойственниками московских государей.

В середине XVI в. выезды становятся более частыми и массовыми. Во многом это произошло благодаря кардинальному изменению во взаимоотношениях между Русским государством и Ногайской Ордой. В.В. Трепавловым уже рассматривался институт номинальных ханов у мангытов [19]. Новое прочтение хорошо известных исследователям русско-ногайских посольских книг позволило сделать вывод о том, что в середине XVI в., при бие Юсуфе б. Мусе, таким ханом пока по неизвестным причинам стал московский царь Иван IV Васильевич [6]. В таком случае обращение мирзы Белек-Пулада б. Хаджи-Мухаммеда осенью 1551 г. к Ивану IV как к «Чингисову прямому сыну» следует расценивать не как идеологический конструкт, призванный обеспечить московскому государю достойное место среди восточных правителей, а вербальной констатацией того, что ногаи посчитали возможным причислить православного государя к прямым потомкам Чингиз-хана. Данное упоминание крайне важно, ведь ногайские бии и мирзы в рамках дипломати-

ческой переписки даже нижайшие просьбы облекали в форму безапелляционного требования³.

Отметим, что оценка произошедшего события в Москве и Ногайской Орде была кардинально отличной. Русская сторона факт обращения за инвеститурой рассматривала, как констатацию вступления в подданство, отыграть который было уже невозможно, это рассматривалось как измена. В степи же случившемуся не предавали особого значения, памятуя, что иные ногайские цари никаким образом не претендовали на вмешательство во внутренние дела Орды. Поэтому такого ногайского царя каждый раз могли находить в разных местах на просторах Дешт-и Кыпчака. В свою очередь православные государи крайне ревниво относились к любым попыткам своих подданных выйти из-под когда-то добровольно объявленного холопства. В конечном итоге по целому ряду причин к рубежу XVI–XVII вв. ногаи прочно оказались в сфере влияния московского царя. Недовольным оставалось только откочевывать в Крымское ханство или Малую Ногайскую Орду.

Это же объясняет, почему в Ногайскую Орду, в отличие от иных государств, после 1561 г., когда появилась большая государева печать, грамоты заверялись печатями с нестандартным изображением. В то время как в иные страны дипломатические послания скреплялись большой печатью, то в Ногайскую Орду, как и к черкесам, в Крым и позднее к калмыкам это была матрица с изображением всадника («ездеца»), поражающего копьём дракона⁴. Все перечисленные образования считались не самостоятельными, а находящимися в зависимости от России или иных государств (как Крымское ханство). Во второй половине XVII в. появится более точная аналогия положения ногаев, Малороссия, являвшаяся частью России на правах автономии, все грамоты туда заверялись специально изготовленной для этих целей печатью Малороссийского приказа.

Теперь по иному выглядит и история с организацией Иваном IV в Романовском уезде еще одной, условно назовем ее параллельной Ногайской Орды во главе с князем (бием) Юнусом б. Юсуфом и Ибрагимом б. Юсуфом. Московский государь после вступления, по его версии, в подданство Ногайской Орды считал себя вправе распоряжаться бийским достоинством по полному своему усмотрению. Поэтому когда в результате борьбы между Исмаилом б. Мусы и потомками Юсуфа б. Мусы и их сторонниками, последние в большом количестве оказались в России, то московский государь, как истинный сюзерен не имел права отказать им, и обязан был позаботиться о них. Тогда выехали Кутумовы, Кошумовы, Уразлыевы, Юнусовы, Юсуповы. В Москве

³ «В той земле он сказываецца Чингисивым прямым сыном и прямым государем царем называецца... к Чингисову сыну бѣлому князю прямословному государю и жалостливому государю бѣлому князю» [13, с. 79–80, 228; 21].

⁴ Правильнее сказать, что во второй половине XVI в. к биям грамоты заверяли красновосковой печатью: «А печать у Тенихматовы грамоты от государя государская рядовая печать на красном воску без кустодеи»; к мирзам черновосковой: «А печати у грамот рядовые, на черном воску, без кустодеи» [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 92 об.–93 об.]. В XVII в. ситуация меняется, теперь все грамоты заверяются одинаково: «а печать на черном воску воротная». Если к калмыцким тайшам грамоты пишут на малом листе александрийской бумаги, то к ногаям на более дешевой «на оловяльнике» [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Л. 317 об.–318].

не видели особой проблемы, что какое-то время в Орде фактически одновременно было два бия, один в степи, а другой в Романове.

В свете сделанного нами предположения и ногаи Казыева улуса (Малая Ногайская Орда), как отделившиеся от некогда единой Ногайской Орды, также должны были рассматриваться Иваном IV как изменники. Теперь совсем по иному следует интерпретировать и посылаемое в Ногайскую Орду жалование – это явно плата за военную службу от государя подданному. Обратим внимание, что в русско-ногайских посольских книгах с середины XVI в. московская сторона принципиально практически не использовала термин «поминок», заменяя его «жалованием»⁵. Со временем сообщения источников о поставлении русскими царями в степи биев и нураддинов становятся более однозначными [16, №144, с. 465–467], а параллельно с этим с начала 1590-х гг. ногайская крещеная знать теряет статус служебных князей и переходит в разряд дворян по московскому списку, при этом некоторое время возглавляет его [17, с. 212, 252, 321; 5, с. 71]. А вот продолжавшие исповедовать ислам Юсуповы и Кутумовы сохранили свой прежний статус до начала 1680-х гг. Причину этого не стоит искать в некоем особом благоволении к ним православных царей. По-видимому, столь долгое сохранение этого рудимента организации второй половины XVI в. произошло благодаря тому, что эти мирзы не доставляли центральным властям особых хлопот и не давали повода кардинально изменить их статус.

В XVII в. выезжать или насильственно вывозиться в Москву стали потомки бия Исмаила б. Мусы, прочно унаследовавшие право на бийский титул. Во многом это осуществлялось для того, чтобы сократить напряженность в степи путем уменьшения числа претендентов в борьбе за власть. Благодаря этому в России оказались мирзы и князья Урусовы, Барангазыевы, Иштерекковы, Тинмаметевы, Кейкуатовы (Кекуватовы), Енеевы, Байтерекковы, Смайлевы, Урмаметевы, Тинбаевы, Шейдяковы (младшая ветвь). В положении ногайских выходцев произошло серьезное изменение. Если ранее они могли оставаться в исламе, то теперь это позволялось только тем из них, что находились в тюремном заключении или содержались «за приставы». Все остальные должны были в обязательном порядке стать христианами. По-видимому, этому во многом способствовала поступательная деградация последних остатков государственности в Ногайской Орде.

Несколько особняком находятся истории с выездами Смайлевых и Шихмамаевых. Дело в том, что их выезды в первую очередь связаны не с замкнутыми в степи, а с историей присоединения Сибири к России. Они в разной

⁵ Продолжатель сочинения Утемиш-хаджи поместил в свой труд такую фразу: «Отдав шестьдесят салани, которые выплачивались его отцу, старшего сына Арслана русские неверные сделали ханом в ханстве Хан Керман» [22, с. 84–85]. По-видимому, здесь речь идет о традиции выплат за службу московскому государю неких денежных средств касимовским Чингизидам. То же самое известно во взаимоотношениях между Гиреями и османскими султанами [15, с. 236]. Похоже, во взаимоотношениях между Русским государством и Ногайской Ордой с середины XVI в. наблюдается тот же механизм. Однако в определенный момент разовые денежные выплаты и подарки шубами оказались заменены поденным кормом. Шубы теперь стало возможно получить, только приехав в Москву для того, чтобы бить челом московскому государю о своих делах.

степени оказались связаны брачными узами с ханом Кучумом и его большой семьей и последовали в Москву вслед за вывезенными сюда Кучумовичами.

Некоторая потеря статуса ногайскими выходцами успешно компенсировалась путем проведения целенаправленной брачной политики. Она заключалась в том, что новокрещенам специально подбирали супругу, в ближайшей генеалогии которой должны были сочетаться два фактора: 1) свойство с правящим царским домом; 2) наличие некоего «восточного» следа среди ближайших родственников, коими чаще всего выступали князья Черкасские, Тюменские, отчасти Сулешевы⁶. Подобные жены, правильнее сказать их семьи, создавали плодотворную почву для интеграции крещеной ногайской знати с московской элитой. Возможно, в этих семьях также сохранялся билингвизм (знание татарского языка), что, безусловно, помогало общению с недавними выходцами из степи. Кроме того русские родственники раскрывали новокрещенам все тонкости работы приказного аппарата и те действия, что нужно сделать для увеличения благосостояния семьи. Они же в конечном итоге всячески способствовали их удачному продвижению в системе государства двора. В этом плане наиболее удачным примером в XVII в. стала история князей Урусовых, достигших боярских чинов и прочного положения подле царского трона.

Важным является вопрос о том насколько, ногайская знать в России помнила о своем общем происхождении. На первый взгляд это единство было безусловным. Об этом нам говорят браки, когда союзы заключались со своими далекими родственниками, а также немногочисленные сохранившиеся упоминания о тесных взаимоотношениях на бытовом уровне между представителями мангытской знати (совместное времяпрепровождение, согласие поставить поручную запись по тому или иному человеку во время судебных разбирательств и др.). Однако можно обнаружить и документальные свидетельства и об обратном.

Отметим, что потомки биев Юсуфа и Исмаила в России между собой никак не взаимодействовали. Та вражда, что возникла в степи еще в середине XVI в. сохранялась в Москве вплоть до второй половины XVI в. Потомки других детей Мусы занимали разные позиции в этом вопросе. Кутумовы происходившие от Шейх-Мухаммеда б. Мусы действовали строго в фарватере взглядов Юсуфовичей, а вот потомки Сеид-Ахмеда б. Мусы (старшая ветвь Шейдяковых) как бы стояла вне этих разногласий. По-видимому, в России они воспринимали свой род, как старший среди всех служилых мангытов. Как относились к вопросу старшинства иные служилые ногайские мирзы и князья непонятно. А вот московские власти однозначно ставили Шейдяковых выше иных. Причин для подобного взгляда было несколько. Начнем с того, что Сеид-Ахмед (Шейдяк) приходился старшим братом Юсуфу и Исмаилу и в русской традиции местничества это, безусловно, учитывалось. Кроме того в Эпоху Сеид-Ахмеда государственность Ногайской Орды переживала свой высший подъем, после чего она начинает постепенно деградировать. К тому же в глазах Москвы Сеид-Ахмед был последним независимым правителем

⁶ Женская составляющая генеалогии большинства родов крайне тяжело поддается исследованию. Однако сделанные нами наблюдения подтверждаются и дополняются другими исследователями [11].

этого образования, все последующие бии рассматривались исключительно как подручники православного царя. Обратим внимание еще на один интересный факт, проживавшие в России и сохранившие ислам служилые татарские цари, царевичи и царевны из всех мангытов выбирали себе брачных партнеров только из старшей ветви Шейдяковых.

Нужно указать и на то, что среди Идеевичей в Русском государстве раскол между Юсуфовичами и Исмаиловичами был не единственным. Нечто подобное мы можем наблюдать и внутри мирз и князей Юсуповых. Род явно делился на две части, старшую ветвь (Ибрагимовичи) и младшую (Элевичи). При этом причин, послуживших отправными точками для подобной неприязни, могло быть несколько. Во-первых – спор о старшинстве. Ибрагимовичи представляли собой старшую ветвь рода, Ибрагим даже был пожалован Иваном IV княжением над остальными мангытами в России. Но потомки Эля всячески стремились замолчать данный факт и даже дистанцировались от Ибрагимовичей, создав особый конструкт для своего родового прозвища Юсуповы-Княжево. Возможно, тем самым они стремились, в том числе, оправдать тот факт, что именно эта ветвь рода закрепила за собой в ущерб старшей линии крупные земельные владения в Романовском уезде. Это можно рассматривать как второй повод. Наконец, в-третьих, свою роль мог сыграть религиозный фактор. История Элевичей во второй половине XVII в. показывает, что они относились к строгим приверженцам ислама, Ибрагимовичи же перешли в православие уже в конце XVI в. Что стало главным в этом семейном расколе нам остается только предполагать, однако его наличие является установленным фактом [5, с. 47–69].

Среди Исмаиловичей подобная вражда столь явно не прослеживается. Хотя и здесь следует указать на то, что потомки бия Уруса б. Исмаила (Урусовы) явно выделяли себя из общей массы мангытов. Возможно, свою роль здесь сыграл тот факт, что Урус был убит, после чего его дети оказались отеснены от возможности занять бийский престол. Эта обида явно читается в поступках Джан-Арслана б. Уруса и его сына Петра Араслановича (Урак б. Джан-Арслан). После того как эта семья в России прочно вошла в круг родов безусловно, претендовавших на боярское достоинство своих представителей, здесь стали играть иные механизмы [4].

Таким образом, родовое единство мангытов в России не следует переоценивать. Оно действительно прослеживается, однако при более подробном рассмотрении разбивается на частные случаи. То же относится и к контактам с родственниками, остававшимися в степях под Астраханью или на Кавказе. Эти связи еще больше ослабевают на рубеже XVII–XVIII вв. Петровские преобразования полностью изгладили родовую память, она стала не актуальна, и теперь стало можно говорить о каком либо единстве только исключительно в рамках конкретных семей.

В судьбе знатных ногайских выходцев начала XVIII в. произошло на настоящий момент не объяснимое событие. Если до этого времени многие семьи в демографическом плане чувствовали себя вполне уверенно, и в каждом последующем поколении количество их представителей как минимум не сокращалось, то теперь мы можем наблюдать эффект «бутылочного горлышка». Одни роды полностью исчезают с исторической сцены (Шейдяковы, старшая ветвь Юсуповых), другие резко сокращают численность своих представителей и со

временем полностью пресекаются, и только нескольким удается сохраниться (Урусовы, младшая ветвь Юсуповых, Ураковы⁷, Кекуатовы).

Существует устойчивое представление о том, что ногайская конница играла важную роль в усилении конницы московских царей. Однако обращение к источникам показывает, что в Романовском уезде максимально в 1560-х гг. проживало не более 500 воинов. В XVII в. их численность составляла 225 (отряды мирз Юсуповых и Кутумовых) человек или даже несколько меньше. Крещеные Идеевичи все вместе могли выставить не более нескольких десятков даточных. Правда, на войны XVI в. выезжали отдельные отряды собственно из Ногайской Орды, но максимально зафиксированная их одномоментная численность не превышала 1670 человек. Скорее, ногаи в армии представляли собой не военную, а политическую и идеологическую силу, показывая фактом своего наличия, что московскому государю служат многие народы. К тому же присылка войск на театр военных действий от подвластных народов, это один из обязательных пунктов, содержащихся в жалованных грамотах за золотой печатью, выдававшихся из Москвы [2; 7].

Во второй половине XVII в. в Москву попадали исключительно плененные на поле боя выходцы из Крымского ханства и Казыева улуса. Теперь они могли быть обменены на русских пленных в Крыму, сидеть в тюрьме, иногда десятилетиями, или принять православие и пополнить список служилых родов.

Что касается материального состояния ногайских выходцев, то наиболее стабильным оно было у мирз Юсуповых и Кутумовых, по-прежнему владевших тысячами четей в Романовском уезде. Материальное содержание иных родов стало постепенно сокращаться. Дело в том, что по существующему правилу, новичные поместные и денежные оклады детей были несколько ниже, нежели у их отцов. Младшие поколения могли значительно увеличить их, получая регулярные придачи за хорошую службу, в первую очередь на поле боя. Однако далеко не все князья ногайского происхождения хотели переносить тяготы полковых буден, поэтому размеры годового жалования, поденного корма и реального землевладения росли далеко не у всех. Кроме того, в этот период часть князей решила отказаться от поместий с русскими крестьянами в пользу гарантированного поденного корма. На первых порах это могло быть оправдано, но во времена петровских преобразований эти семьи оказались в серьезном проигрыше по сравнению с иными семьями.

Следует остановиться и на вопросе верности ногайских выходцев московскому государю. В документах прослеживается стремление многих из них вернуться в привычные для себя степи. Так романовский мирза Эль б. Юсуф якобы сказал Станиславу Немоевскому: «Вы еще можете вскоре отсюда выехать, по окончании настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына, но я, прибывши сюда добровольно лет 40 назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну» [9, с. 188]. В отдельных случаях фиксируются их победы. Так в 1570 г. после ссоры с опричником Р. Пивовым в Литву, а оттуда в Крым сбежали в сопровождении 130 казаков князь Ибрагим Юсупов с сыном, Ахмала Бештавзин, Наделы Алеев сын Хромого (возможно, Дан-Али б. Али

⁷ На самом деле этот род ногайского происхождения пресекался на рубеже XVII–XVIII вв. Известные в более поздний период Ураковы, это, похоже, удачно приписавшиеся к нему русские провинциальные служилые люди [3].

б. Юсуф) и Тиналей Юнусов [12, с. 62-64]. Значительное число ногайских князей и мирз покинули Россию в эпоху Смутного времени в окружении Петра (Урака) Урусова. Значительная группа Эдигеевичей с разной степенью успешности попыталась совершить побег за пределы Московского государства в 1616 г. Известны подобные попытки и позднее. В 1628 г. в этом обвинили Петра Хановича Урусова и Василия Урмаметева⁸. В 1652/53 г. предотвратили бегство Алексея Еналеева сына Шейдякова с детьми⁹. Отметим, что в каждом известном случае русские власти стремились всяческими способами возвратить беглецов.

Таким образом, потомки Идегея были более чем заметным явлением в России XVI–XVII в. В конечном итоге они создали здесь более двух десятков в той или иной степени устойчивых родов, члены которых прочно вписали свои имена в историю российского государства. Однако в последующие эпохи удалось сохраниться только немногим из них. Причины угасания этих родов были естественными, хотя до настоящего времени и труднообъяснимыми.

Первоначально на знатных мангытских выходцев смотрели как на детей и внуков природных государей, и они представляли собой один из разрядов служебных князей. После того, как Иван IV впервые формально поучаствовал в возведении на престол ногайского бия (Юсуф б. Муса) на них стали смотреть как на государевых подручников, хотя они и сохранили прежний статус. Постоянные внутренние неурядицы и деградация государственности Ногайской Орды привела к тому, что они потеряли статус служебных князей, заняв верхние позиции в списке дворян по московскому списку. Показательно, что это произошло приблизительно в одно и то же время с прекращением ведения русско-ногайских посольских книг и передачей ведения ногаев астраханским воеводам. На протяжении XVII в. продолжается падение их служебного статуса. Это выражается в практическом запрещении переезда Эдигеевичей из-под Астрахани в Москву и постепенном перемещении большинства из них в боярских книгах и списках из начала списка дворян по московскому списку и стольников ближе к концу. При Петре I эта категория служилых людей полностью слилась с остальным дворянством. Теперь происхождение никак не влияло на их карьеру, в новую эпоху требовалась реальная служба или хорошие и устойчивые связи среди лиц, стоявших у самого трона. На этом история инкорпорации потомков Идегея в России завершилась. Это поняли и сами князья ногайского происхождения. На долгие годы они забыли о своем великом прошлом. Лучше всего произошедшее с ногайскими выходцами описывает в своей сказке от 25.03.1720 г. поручик князь Иван Яковлевич Байтереков: «А выехал на службу царского величества дед мой, а откуда выехал и в котором году, того подлинно написать не упомню» [10, с. 2362].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. Кн. 2. 200 с.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разрядного стола. 1653–1699 гг. Д. 199. Л. 58–82.

2. Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>.
3. Беляков А.В. Князя Ураковы в истории России: история одной фальсификации // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 87–100. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-87-100>
4. Беляков А.В. Князя Урусовы в России XVII в. // История народов России в исследованиях и документах. М.: Институт российской истории РАН. 2022. Вып. 10. С. 87–106.
5. Беляков А.В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.
6. Беляков А.В. О статусе Ногайской Орды в системе постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 2. С. 371–379. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.371-379>
7. Беляков А.В. Организация управления в Московском государстве XV – начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно нерусским населением // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3. С. 64–80.
8. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
9. Записки Станислава Немеовского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань: Александрия, 2006. 496 с.
10. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. II. М.: Старая Басманная, 2015. 2754 с.
11. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 784 с. + 624 с.
12. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: Издательский Дом Марджани, 2016. 400 с.
13. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
14. Родословная книга по списку М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. С. 10–170.
15. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М.: «Рубежи XXI», 2005. Т. I. 314 с.
16. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Селивановского, 1822. Т. III. 556 с.
17. Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.
18. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
19. Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 152–170.
20. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.
21. Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М.: Институт Востоковедения, 1992. С. 59–62.
22. Утемиш-хаджи. Кара Таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Book 2. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, 200 p. (In Russian)
2. Belyakov A.V. Letters of merit with a golden seal: history of living and area of spread (about Horde succession in the matter of investiture). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>. (In Russian)
3. Belyakov A.V. The Urakov princes in the history of Russia: the history of one falsification. *New past*. 2022, no. 1, pp. 87–100. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-87-100> (In Russian)
4. Belyakov A.V. Urusov Princes in Russia in the 17th century. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh=History of the peoples of Russia in research and documents*. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2022, Iss. 10, pp. 87–106. (In Russian)
5. Belyakov A.V. Nogai nobility in Russia in the 16th–17th centuries. Moscow: Staraya Basmannaya, 2023, 324 p. (In Russian)
6. Belyakov A.V. On the status of the Nogai Horde in the system of post-Horde states. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 371–379. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.371-379> (In Russian)
7. Belyakov A.V. Organization of management in the Moscow state of the 15th – early 17th centuries. in newly annexed territories with a predominantly non-Russian population. *Drevnyaya rus'. Voprosy medievistiki=Old russia. The questions of middle ages*. 2022, no. 3, pp. 64–80. (In Russian)
8. Belyakov A.V. Chingisids in Russia in 15th–17th centuries: prosopographical study. Ryazan: Mir, 2011, 512 p. (In Russian)
9. Notes of Stanislav Nemoevsky (1606–1608). Zolkiewski's manuscript. Ryazan: Al-Exandria, 2006, 496 p. (In Russian)
10. Officers' tales of the first quarter of the 18th century. Field army. Vol. 2. Moscow: Staraya Basmannaya, 2015, 2754 p. (In Russian)
11. Pavlov A.P. Duma and chamber people of Tsar Mikhail Romanov: prosopographical study: in 2 volumes. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2018, 784 p. +624 p. (In Russian)
12. Ambassadorial book on relations between the Moscow State and Crimea. 1571–1577 Moscow: Marjani Publ., 2016, 400 p. (In Russian)
13. Ambassadorial books on relations between Russia and the Nogai Horde (1551–1561). Kazan: Tatar Book Publ., 2006, 391 p. (In Russian)
14. Genealogical book according to the list of M.A. Obolensky. *Monuments to the history of the=Russian service class*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2011, pp. 10–170. (In Russian)
15. Smirnov V.D. Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte. Vol. 1. Moscow: Rubezhi XXI, 2005, 314 p. (In Russian)
16. Collection of state charters and agreements. Vol. 3. Moscow: Tipografiya Selivanovskogo, 1822, 556 p. (In Russian)
17. Stanislavsky A.L. Works on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th–17th centuries. Moscow: Russian state university for the humanities, 2004, 506 p. (In Russian)
18. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Quadriga, 2020, 1040 p. (In Russian)
19. Trepavlov V.V. The ancestors of the Ashtarkhanids in Desht-i Kipchak (notes on the prehistory of the Bukhara dynasty). Trepavlov V.V. Turkic peoples of medieval Eurasia. Selected works. Kazan: Foliant, 2011, pp. 152–170. (In Russian)

20. Trepavlov V.V. Russian princely families of Nogai origin (genealogical origins and early history). Turkological collection; 2002: Russia and the Turkic world. Moscow: Eastern literature, 2003. pp. 320–353. (In Russian)

21. Trepavlov V.V. Status of the “White Tsar”: Moscow and the Tatar khanates in the 15th-16th centuries. *Russia and the East: problems of interaction*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 1992, pp. 59–62. (In Russian)

22. Utemish-haji. Kara Tawarich. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192, ResearcherID ABD-7584-2021. E-mail: belafeb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192, ResearcherID ABD-7584-2021. E-mail: bekafeb@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 10.11.2024

Поступила после рецензирования / Revised 13.12.2024

Принята к публикации / Accepted 09.01.2025